

Истоки русского характера

В статье описывается русский национальный характер, как он сформировался к началу XX века. Так сложилось, что он во многом оказался сокрытым для русской литературы и публицистики. Необходимо выявить исходную природу национального характера, объективные факторы, влияющие на его формирование, а также субъективные обстоятельства, способствующие его искажению. Все это - актуальные проблемы нашего бытия: чтобы понять, кем мы являемся, мы должны вспомнить - кем были. Четыре основных фактора влияли на формирование русского национального характера:

1) Первозданный духовный образ и историческое предназначение, которыми Творец наделяет народ (духовный генотип); "Бог дает Дары Святого Духа - всем народам, но мерою различною и особливою. Почему, кому, и сколько - не разумеем. Но исповедуем, что нет народа обделенного и отвергнутого, хотя есть народы - не соблюдавшие, растратившие и зарывшие талант свой в землю" (И.А.Ильин).

2) Природные генетические свойства восточно-славянского этноса (природный или этнический генотип); "Наше своеобразие от славянской крови и славянской души, не похожей ни на монгольство, ни на романство, ни на германство. Нет на свете чистых кровей и чистых рас; все давно смешалось и переплелось. Смешалась и наша славянская кровь с азиатскими и европейскими народами. Но, смешавшись, не растворилась, а дифференцировалась - и дала своеобразный уклад: темперамента, естественности, сердечности, широты, простоты и приспособимости. И эти черты мы передаем и другим народам и другим исповеданиям, живущим с нами" (И.А.Ильин).

3) Экстремальные условия выживания на просторах Евразии - климатические, географические и геополитические (исторический архетип); "Наше своеобразие от нашей природы - от пространства, от климата, от равнины, от отсутствия близкого моря, от рек, от погоды, от почвы и от растительности; и от далекого рассеяния по пространствам. Мы сами не знаем, когда и как мы вжились в нашу природу и вжили ее в себя. Но получили мы от нее много; и страстность, и созерцательность, и неуравновешенность, и свободолюбие, и склонность к лени, и братскую спайку... Наше своеобразие было довершено нашей историей. И расселенностью по равнине; и борьбою с кочевниками; и удельно-вечевым периодом; и торговлей с греками и варягами; и Киевским расцветом; и нашествием татар, борьбою с ними насмерть, их 250-летним игом, и идеею града Китежа. И далее - и вторжением западных соседей, и собиранием Руси Москвою; борьбою с Польшею и Литвою; бесконечными войнами оборонительного характера; Грозным и опричниной; Смutoю и замирением юга; присоединением Малороссии; творческою бурей Петра Великого; крепостным строением, бунтами простонародья, дворянскими переворотами, нашествием Наполеона и культурным расцветом 19 века" (И.А.Ильин).

4) Воспитание православием (духовный архетип); "Наше своеобразие - от нашей веры, от принятого нами и вскормившего нашу культуру греческого православия, по-своему нами воспринятого, по-своему нами переработанного и по-особому нас самих переработавшего. Оно дало нам больше всего: живое желание нравственного совершенства, стремление внести во все начало любви, веру во второстепенность земного и в бессмертие личной души, открытую живую совесть, дар покаяния, искусство страдать и терпеть, неутолимый голод по религиозному осмыслению всей жизни и всего мира сверху донизу; и еще: непоколебимую уверенность в возможности и необходимости единения человека с Богом в этой жизни и в будущей, искание живых путей в этом единении и преодоление страха смерти через созерцание жизни и земной смерти Христа Сына Божия. Это и есть именно тот дар, который в истории христианства называется духом ап. Иоанна, который утрачен Западом и отречься от которого значило бы отречься от самого русского естества. И что еще достопримечательно, что этот Иоанновский дух пропитал всю русскую культуру, - русское искусство, русскую науку, русский суд - и незаметно был впитан и инокровными и инославными русскими народами: и русскими магометанами, и русскими иудеями так, что они уже нередко чувствуют себя ближе к нам, чем к своим единокровным и единоверным братьям" (И.А.Ильин).

Русская история, русская культура и русская цивилизация - это уникальное явление духа, преодолевающего и преобразующего невиданное сопротивление мировой материи. Многие факты и факторы русской жизни, отличающиеся от других народов, особенно европейских, вопиют именно об этом. Нигде и никогда в истории не создавалась цивилизация в подобных экстремальных природно-климатических и геополитических условиях жизни на огромных пространствах. В России самая низкая в мире среднегодовая температура, годовой перепад температуры в центральной России - 50 градусов, а не 20 - как в Европе, климат которой намного смягчался теплым океанским течением Гольфстрим. Из-за долгой и холодной зимы отопительный сезон на юге России длится до шести месяцев в году, на севере - практически круглый год; в то время как в западных странах - три-четыре месяца в году. Холодный климат во все века требовал от народа гораздо больших затрат на одежду, на питание, на утепление и отопливание не только жилья, но и производственных помещений, в то время, как в западных странах многое могло существовать под открытым небом. Из-за холодных зим и резких перепадов температуры в России более чем в других странах вероятны разного рода поломки и аварии в жизненной инфраструктуре, а любая авария чревата катастрофичностью - одна неотопливаемая зима приводит в негодность любое здание. Суровый климат Руси позволял заниматься сельскохозяйственными работами только 4-5 месяцев в году, в то время как в Европе сельскохозяйственный сезон длился 8-10 месяцев. Необычайно короткий рабочий сезон в земледелии и заготовке кормов, а также малая плодородность большинства русских почв резко ограничивали возможности развития земледелия и удорожали его продукцию. К этому добавлялась климатическая нестабильность: в центре России весенние и осенние заморозки чередовались с длительными дождливыми ненастьями, на юге страны в плодородных землях - частые засухи, уничтожавшие богатый урожай. Уровень затрат труда в таких условиях почти в шесть-десять раз превышал доход. Если учесть отсутствие выхода к теплым морям - мировым

торговым путям, то хозяйствование на Руси приговорено быть экстенсивным. На такие выводы обычно возражают, что и в Канаде, и в скандинавских странах не менее суровые жизненные условия, что, однако, не вынуждало тамошних жителей к экстремальным формам жизни. Но этот миф развенчивается беспристрастным сравнением фактов. Более 90% населения и промышленного потенциала Канады сосредоточены южнее широты Москвы, а канадский юг находится на широте Сочи. Норвежский климат делает умеренно морским теплое океанское течение Гольфстрим, который согревает и другие страны Северной Европы. При этом большинство населения Норвегии, Швеции, Финляндии живет на юге страны, в то время как русский Север заселен гораздо больше. Ко всему этому нужно добавить, что западные страны всегда имели выход к морям - мировым торговым путям, а большую часть своей истории не знали вторжений иноземцев.

В России малые площади и разбросанность плодородных земель, а также разбросанность природных ископаемых - требовали хозяйственного освоения больших территорий, связь между которыми и жизнь на которых была возможна только при сильной государственной централизации. Уже при Ярославе Мудром территория Руси была больше всей Западной Европы, - дороги и все виды связи на этом пространстве могло обустроить только сильное государство. В России природные ресурсы находятся в нескольких тысячах километров от портов и мировых рынков, в то время как нигде в мире эти расстояния не превышают тысячи километров. Естественно, что преодоление огромных пространств для транспортировки сырья резко удорожает его стоимость. В результате все, что производилось в России во все века, было наиболее энергоемким в мире, а значит с наибольшей себестоимостью и наименьшей рентабельностью. Жесткие экономические условия требовали гораздо большего, чем в Европе участия государства в хозяйственной жизни. Помимо этого, бесконечные нашествия с Запада, Юга и Востока, разрушавшие дотла русские города и наполнявшие русскими людьми средиземноморские рынки работорговли, тоже требовали расширения территорий и сильного государства для самозащиты. Вместе с тем, вытянутость страны по широте, а также сложнейший рельеф границ создавал новые трудности для защиты и неблагоприятные условия для хозяйствования. Таким образом, получая по объективным причинам гораздо меньший прибавочный продукт, русский труженик вынужден был отчуждать гораздо большую, чем в Европе, его часть на государственную защиту. Жизнь объективно требовала большей, чем на Западе, роли государства, ибо русская государственность - это форма самосохранения народа в тяжелейших условиях исторического существования. Надо сказать, что ни один цивилизованный народ в истории не выжил в подобных обстоятельствах, тем более не создал высокой культуры. Русский народ-государствообразователь создал огромное многонациональное государство, уникальную культуру и русскую православную цивилизацию.

Понятно, что выжить в беспрецедентно трудных условиях можно было только благодаря определенным компенсационным механизмам - и в общественно-политической жизни, и в национальном характере. Многие общественные и государственные институты в России не похожи на западные и поэтому всегда подвергались жесткой критике как отсталые, азиатские, рабские, в то время как это были единственно возможные формы выживания в суровейшем углу планеты. Так, "В этих условиях единственным рентабельным

трудом в земледелии в течение многих столетий был крепостной (почти рабский) труд русских крестьян... Крепостное право в России было не результатом жадности и жестокости царя и помещиков, а своеобразным, хотя и жестоким, компенсационным механизмом выживания российского социума в целом" (Л.В.Миров). Конечно же, в таких условиях единая государственная власть была единственно приемлемой для огромной многонациональной страны: "Русская монархия делала все, что могла, для защиты внешней и внутренней свободы России и людей России, - если ей это не всегда удавалось, то виной этому были не Цари, а цареубийцы... Русское самодержавие было всегда самым верным стражем русского самоуправления и русское самоуправление - почти всегда, кроме последних десятилетий - было верной опорой самодержавия" (И.Л.Солоневич). Во имя самосохранения народа и русской цивилизации в целом приходилось ужесточать некоторые формы общежития: "Такой меры личной свободы, какую имели США и Англия в начале нынешнего столетия, русский народ не будет иметь никогда. Ибо если безопасность США и Англии была гарантирована океанами и проливами, то наша - может быть гарантирована только воинской повинностью. Американская свобода - как и американское богатство, определены американской географией - наша свобода и наше богатство ограничены русской географией" (И.Л.Солоневич).

Вместе с тем, человеческая жизнь в огромной империи была возможна благодаря тому, что русскому государствообразующему народу была свойственна соборность, уживчивость, терпимость. Многие народы добровольно входили в Российскую империю, присоединялись огромные территории, не имеющие собственной государственности, и только в редких случаях завоевывались земли, которые были источником постоянной угрозы для России. При этом русский народ не уничтожил, не поработил, не перекрестил насильственно ни один народ (что совершенно беспрецедентно на фоне колониальной политики западноевропейских народов, истребивших и поработивших коренное население нескольких материков). И при этом Русь защитила христианскую цивилизацию от татаро-монгольского нашествия, Россия никогда не совершала экспансии на Европу, со стороны которой веками грозила России смертельная опасность. Русские войска были и в Берлине, и в Париже, но только при отражении агрессии. Победоносные походы русской армии в Европу не заканчивались, как это было принято в ней, присоединением каких-либо земель. Таким образом, и в отношениях с другими народами русские проявляли беспримерные качества.

Борьба за выживание в невероятно трудных условиях воспитывала в русском человеке предприимчивость, сообразительность, динамичный и разносторонний ум, непреклонную волю. За кратчайший исторический срок русский народ цивилизовал огромные пространства - вплоть до Аляски и Русской Калифорнии, территории которых русские цари подарили США. Объективные жизненные циклы воспитывали в народе привычку к чередованию периодов сверхнапряжения с необходимыми паузами расслабления. Русский мужик был просто обязан зимой лежать на печи, иначе летом у него не хватило бы сил для каторжной работы при сне не более четырех часов в сутки. Такие циклы сверхнапряжения-расслабления были свойственны и общенациональному поведению, без чего недоступны были бы и освоение безмерных просторов, и защита от бесконечных нашествий и нескончаемых природных бедствий. Так формировался особый человеческий тип, и так характер русского народа отразился в облике государства, культуры и

цивилизации. При этом таковая особость была непонятной для многих европейцев, и нередко трактовалась как "варварство", вызывающее позывы "цивилизовать" русских.

Итак, русская судьба состоит из очевидных и, вместе с тем, беспрецедентных исторических фактов. Но наиболее беспрецедентно то, что русский народ не только выжил при этом, но и создал культуру великого духа. Что подвигало народ совершать беспримерные исторические деяния и проявлять невиданные качества? О загадке русского духа, о его сущности и судьбе, о его диалектике и пойдет речь.

Генетически русский человек наделен эмоциональной, страстной, неукротимой природой, сметливым умом, выносливостью, твердостью, - всем, что требовалось для выживания восточнославянским племенам. Православие не насильствовало, но окультуривало буйную языческую натуру, нивелируя одни качества, развивая другие. Первым актом национальной самоидентификации - самосознания русского народа было крещение в Православие. Поэтому принадлежность к русскому народу всегда определялась не только этнически, но, прежде всего, по религиозным и культурным признакам самоидентификации. В этот момент разные племена сложились в единый народ. Истории известна только одна аналогия: исход из Египта разных семитских племен, которых Моисей объединил верой в Единого Бога Яхве - религия явилась основанием формирования и существования еврейского народа. Выбрав Православие, народ сформировал себя, талантливая природа увидела себя в духовном зеркале православной религиозности, огранила и определила свою сущность. Вместе с церковно-славянским языком народ получил целостный космос духовных традиций: античности, платонизма и неоплатонизма, патристики, Византии, тем самым, получил прямой доступ к истокам христианства. Акт духовного рождения наделяет народ своеобразными архетипическими свойствами. Отныне в русском характере отразились православные доминанты: метафизичность, соборность, универсальность, антиномичность, которые по-разному сказывались на разных этажах культуры.

Христианство наиболее метафизическая из всех религий. На судьбе русского народа запечатлено метафизическое тяготение, своего рода метафизическое предпочтение. Это сказывалось и в философичности характера, и в наиболее натуральных, казалось бы, результатах: не мог народ освоить наибольшие в мировой истории и суровейшие пространства, если бы его не подвигал некий метафизический идеал преображения бытия. Метафизичность характера сказывалась и в некотором пренебрежении к обустройству натуральной жизни. Соборную характеристику Православия народ принял как свое родное, многое в русской жизни определялось ею, в частности принцип созидания империи - через собирание земель, соборное сожитие множества племен и религий. Христианский универсализм наделил народ умением открыться Востоку и Западу, переплавлять множество культурных влияний, воспринимать наиболее широкий спектр проблем существования. В сути своей христианство антиномично: Троиный Бог, Ипостаси Которого едины и неслиянны, Бого-человек, смертью смертью поправ, через Крест - воскресение, человек - не от мира сего, но в мире сем... Сверху антиномичность русского характера определялась религиозностью, снизу же противоречивость характера народа усиливалась уникально противоречивой судьбой его. Отсюда и склонность к крайностям при непрерывном тяготении к гармонии, и бесконечная русская вольница при сильнейшем государственном

закрепощении, и сочетание жесткой централизации при обширном самоуправлении земель.

Как и люди, народы переживают молодость, зрелость и старость. Их характер вполне формируется в зрелом состоянии. Характер русского народа сложился в результате воздействия различных факторов: осознания своей исторической миссии и реальной истории, свободного самоопределения и инерции исторического процесса, национального идеала и народных эмоций, страстей, аффектов, духовных битв и реальной действительности. В русском характере запечатлена с одной стороны русская идея, как национальный идеал и духовная норма, с другой же, в нем отражаются все исторические ошибки и грехи народа, сумма обстоятельств его жизни. Если национальная идея отражает национальный дух, то национальный характер есть психея народа.

Тема русского национального характера особенно актуальна сейчас - в период глобальных преобразований на евразийском континенте. К началу XX столетия сложился специфический национальный характер, который был так или иначе свойственен всем сословиям, но в наиболее чистом виде сохранялся в провинции и низовых сословиях. Несмотря на невиданные катаклизмы и жертвы нынешнего столетия, русский народ сохранил многие свои генетические и культурные характеристики. Что-то искажено и требует излечения, что-то ждет своего возрождения, поэтому, прежде всего, необходимо реконструировать облик дореволюционного русского национального характера...

Как у всякого великого народа, русский национальный характер есть явление неопределимое по существу. Как можно определить вечную душу человека или народа? Только любовь позволяет почувствовать другого изнутри, духовно соединившись с ним. Мы должны отрешиться от эгоистических притязаний и возвыситься до объективности любви и солидарности. И тогда не будем приписывать то, что навязывают наши претензии и амбиции, не будем проецировать свои слабости и пороки, но взглядом любви и участия сможем увидеть неповторимый лик души. При этом нужно помнить, что судим и объясняем мы себя - свою соборную душу. В каждом народе есть свои маргиналы и люмпен, но не они являются носителями национального характера, ибо свойства денационализированных и деклассированных элементов интернациональны. Пороки - схожи, добродетель - индивидуальна. Характер народа - это, прежде всего, его достоинства, продолжением которых могут быть и недостатки. Создают национальный характер святость и творческий гений - во всех областях жизни. Несет же достоинства национального характера консервативное большинство народа, на котором земля стоит.

Много сказано на тему загадочной противоречивости русского человека, но, как правило, эта тема мифологизируется. Амбивалентность характера русского народа нередко преувеличивают, пытаясь объяснить многие катаклизмы российской истории. Но некоторые реальные противоречия русского характера отражают взаимоотношения прирожденных свойств (природного генотипа) и православного воспитания (духовного архетипа).

Русский человек унаследовал от своих древних славянских предков талантливый сложный характер и сильный темперамент. "Добродетели открыло христианство, а в язычестве отличались они только доблестями, каковы храбрость, смелость, неустрашимость, терпение" (М.П.Погодин). Историки отмечали удивительную жизнестойкость славян, веками

отбивавшихся от готов, угров, гуннов, аваров, хазар: "Все вынесло, все преодолело это упругое племя, пока пробилось на широкую дорогу своей исторической жизни" (Д.И.Иловайский). Античные авторы тоже отмечали достоинства варварского народа: "Племена славян и антов сходны по своему образу жизни, по своим нравам, по своей любви к свободе; их никоим образом нельзя склонить к рабству или подчинению в своей стране. Они многочисленны, выносливы, легко переносят жар, холод, наготу, недостаток в пище. К прибывающим к ним иноземцам они относятся ласково, оказывая им знаки своего расположения" (Маврикий Стратег). Несмотря на известные победоносные походы славян, историки описывают их миролюбие: "Дикая свирепость не была отличительным их характером. Славянское племя вообще имело более склонности к жизни мирной, чем воинственной... Если ни вторжения неприятелей, ни внутренние раздоры не воспаляли их страстей, любили жизнь мирную, охотно занимались земледелием, отличались добродушием и своим гостеприимством удивляли просвещенных греков, оставив эту добродетель самым отдаленным потомкам" (Н.Г.Устрялов). Конечно, как и все выжившие в древности племена, славяне были воинственны, но при этом некоторые качества отличали их от соседей: "Сии люди, на войне жестокие, оставляя в греческих владениях долговременную память ужасов ее, возвращались домой с одним своим природным добродушием. Современный историк говорит, что они не знали ни лукавства, ни злости; хранили древнюю простоту нравов, неизвестную тогдашним грекам; обходились с пленными дружелюбно и назначали всегда срок для их рабства, отдавая им на волю, или выкупить себя и возвратиться в отечество, или жить с ними в свободе и братстве. Столь единогласно хвалят летописи общее гостеприимство Славян, редкое в других землях и донныне весьма обыкновенное... Славянин, выходя из дому, оставлял дверь отворенною и пищу готовую для странника. Купцы, ремесленники охотно посещали Славян, между которыми не было для них ни воров, ни разбойников" (Н.М.Карамзин). С самого начала русская народность складывалась как большая по численности и огромная по территории, объединяющая множество различных племенных индивидуальностей. Единящей силы хватало на соединение, но не хватало на нивелирование индивидуальных различий, самоимение которых и сказывается во все века. Уже на ранних стадиях своей истории славяне отличались качествами, которые позволили выжить в суровых пространствах: "Из всех способностей, которыми природа щедро оделила Славянорусское племя, наиболее драгоценными являются, конечно, его предприимчивость, мужество и способность созидательная" (Д.И.Иловайский).

Вместе с этим предхристианская Русь отличалась и множеством добродетелей: "Сличив известия современников-чужеземцев, мы находим, что вообще славяне свою нравственность производили на них выгодное впечатление: простота нравов славянских находилась в противоположности с испорченными нравами тогдашних образованных или полуобразованных народов. Так, встречаем отзывы, что злые и лукавые попадаются очень редко между славянами. Доброта не исключала, впрочем, свирепости и жестокости в известных случаях; те же писатели, которые хвалят доброту славян, рассказывают ужасы об обхождении их с пленными, с проповедниками христианства... так часто бывает у людей и целых народов, добрых по природе, но предоставленных влечениям одной только природы" (С.М.Соловьев). Европейский ученый XIX века заметил в славянах то сочетание качеств,

которое оставалось свойственным русскому народу на протяжении всей его истории: "Внешняя мягкость славянского существа допустила без сильного противодействия вторжение и господство чуждого элемента, но тягучее ядро, прикрытое этою мягкою внешностью, сделало невозможными, чтобы славянская сущность потерпела какое-нибудь внутреннее изменение от этого чуждого элемента. Так, в сравнительно очень короткое время чужие властители совершенно переродились в славян, и варяжская династия стала и по крови, и по духу такою же русскою, как самый низший слой собственно русского народа" (Г.Рюккерт).

Православная культура не подавляет богатую языческую природу славянина, но обуздывает, окультуривает, созидательно ориентирует душевную энергию, претворяя стихийные доблести в добродетели нравственного существа. "Уже самая сущность новой религии - любовь к ближнему, столь доступная общему пониманию, - и вместе с тем прекращение кровавых человеческих жертв ненасытному Перуну не могли не произвести благодетельного переворота в народных представлениях о Верховном существе и не повлиять на смягчение грубых, жестоких нравов" (Д.И.Иловайский). Но скованные или облагороженные природные стихии разнудывались при ослаблении духовного напряжения.

Русская православная религиозность существенно отличается от западной католическо-протестантской, что во многом усугубило различие русской и европейской души. "Существеннейшее и драгоценнейшее отличие Православия от Римского католицизма (а потому и от взбунтовавшихся против него детей его - всех протестантских исповеданий) - лежит не в догматической сфере, не в обрядовой и не в церковно-организационной, а в сфере религиозного акта и его строения... Все зависит от того, какие силы человека и народа - их души и духа - определяют самое верование, какие силы главные и первичные - и какие душевно-духовные силы являются вторичными и подчиненными. Православный человек движим другими первичными силами, чем католик. И в этом главное, неизменяемое, неизвратимое, определившее русскую душу, ее религию и культуру" (И.А.Ильин).

В конечном итоге, религия определяет и культуру, и жизненный уклад, и характер народа. Русский философ Иван Ильин описывает сущность различия европейской и русской религиозности, выявляя ее онтологические характеристики: "Вера католика есть акт воли. Личной воли и церковной воли. Больше церковной, чем личной. Потому - акт мысли - личной мысли и церковной мысли. Больше церковной, чем личной. Все остальное есть в католицизме - подчиненное, несущественное, нехарактерное или прямо утраченное. Вера православного есть акт любви. Потом акт созерцания. Созерцающая же любовь - есть совесть. Все остальное в православии - воля, мысль, дисциплина имеет значение вторичное и подчиненное. В этом главное различие. Отличие Иоанновского духа не от Павловского, а от не-Иоанновского и против-Иоанновского". В этом смысле интересен генезис европейской религиозности, породивший ее основные тенденции. "Католик унаследовал свой религиозный акт - от римской, древне-римской культуры, - которая была культурой воли, юридической воли, властной воли, воли к господству над миром. И в то же время культурой мысли, не философской мысли, не разумной мысли, не созерцающей мысли, а мысли отвлеченной, рассудочной, ясной, трезвой, земной, эмпирической. Римлянин дохристианской эпохи - был

человеком волевой власти, вооруженного господства, трезвой логики, прозаического организаторства. В общем - стихии земной и трезвой. Не стихии любви. Стихии юридически-государственной, стихии договора, авторитета, покорения; стихии не совестной; не созерцающей; не любовной. Элемент расчета и пользы, выгоды и кары, сделки и оружия - преобладал здесь над всем и делал римлянина наподобие иудея существом жестоковыйным и к христианству до крайности не предрасположенным. Этот акт - как национальный акт римского народа - влился иррационально в христиан римской нации - проник в католическую церковь - определил ее ментальность и веру, и этику, и организацию... Католик верует тогда, когда он решит веровать - и начнет заставляя себя верить. Поэтому неверие - как акт злой воли - было для него всегда преступлением; - отсюда наказания безбожников, инквизиция, костры, крестовые походы против еретиков и знаменитый трактат "Молот ведьм", написанный в 1487 году двумя инквизиторами... Эта книга обнаруживает изумительную логику, прекрасное знание Ветхого и Нового Завета, удивительную зоркость в клиническом описании женской истерии - и дает систематическое наставление, как надлежит, какими нечеловеческими пытками и муками пытать от имени Христа и во славу Христа истерически больных женщин. Я готов признать, что она одна из самых цельных, страшных и безбожных книг... Этим актом воли и рассудка определяется и нравственное учение католицизма. С неподражаемым мастерством логики и знания оно изложено в моральных трактатах отцов иезуитов... Все случаи и положения жизненного конфликта предусмотрены здесь и разрешимы с точки зрения их допустимости, греховности и простительности. Здесь есть и ум, и логика, и опыт, и теологическое образование. Но здесь нет ни сердца, ни живого созерцания, ни совести, а потому нет Христа и христианства. Здесь есть искусное разрешение лжи, коварства, порочности и предательства; здесь есть учение о том, что церковная цель оправдывает все и всяческие средства; но здесь нет ни любви, ни доброты, ни Божией благодати" (И.А.Ильин).

Итак, православная духовность принципиально отлична от духовности западноевропейской. В православном воспитании коренятся и наиболее глубинные основания противоречивости русского характера. В католическом мировоззрении бытие состоит из трех уровней: мир сей представляет собой сферу естественного, которая находится между небесной сферой сверхъестественного и областью зла - противоестественного. В русской православной духовности мир делится только на две сферы - божественную и адскую, земное существование не имеет собственной бытийности, это только арена борьбы добра и зла. Европейская горизонталь - земная укорененность - и русская вертикаль - устремленность к горнему - определяют многие различия в мировоззрении и характере народов. Русский человек пребывает в мире сем не от мира сего, он ощущает себя странником и пришельцем на этой грешной земле и больше устремлен к горнему. Поэтому русский человек больше склонен к внутреннему совершенствованию, а не к внешнему успеху, он больше печется о спасении души, а не о завоевании мира или приобретении мирских благ. "Он любит этот мир не ради его самого, а ради выявления в нем Божественного мира. Он ценит этот мир лишь постольку, поскольку видит в нем исходный материал для осуществления своей миссии... Русский не выносит расхождения между истиной и действительностью. Примечательно, что в русском языке для двух этих понятий существует одно и то же слово - правда. В своем редком двойном смысле оно означает то, что есть, и то, что должно

быть. Русский не может жить иначе, как, не задумываясь, вносить элементы высшего порядка в вещественный мир, даже если этот мир их отторгает. В конечном счете, земное приносится в жертву идее" (В.Шубарт).

Русскому присуща "устремленность к чему-то бесконечному. У русских всегда есть жажда иной жизни, иного мира, всегда есть недовольство тем, что есть. Эсхатологическая устремленность принадлежит к структуре русской души. Странничество - очень характерное русское явление, в такой степени незнакомое Западу. Странник ходит по необъятной русской земле, никогда не оседает и ни к чему не прикрепляется. Странник ищет правды, ищет Царства Божьего, он устремлен вдаль. Странник не имеет на земле своего пребывающего града, он устремлен к Граду Грядущему. Народный слой всегда выделял из своей среды странников... Есть не только физическое, но и духовное странничество. Оно есть невозможность успокоиться ни на чем конечном, устремленность к бесконечному" (Н.А.Бердяев).

Новоевропейский человек "взирает на мир как на хаос, который он должен - сначала еще по воле Бога, а потом самовольно - укротить и оформить... Так мир утрачивает свое единство, уступая силам разделения... Русский с его живым чувством Вселенной, постоянно влекомый к бесконечному при виде своих бескрайних степей, никогда не будет созвучен прометеевской культуре, проникнутой "точечным чувством" и направленной на автономию человеческой особи или, что одно и то же, - на сокрушение Богов" (В.Шубарт). В России отсутствует большой пласт культуры, который - от теологии до права и техники - в Европе скрупулезно упорядочивает естественный уровень бытия, регламентирует и мораль, и межличностные отношения (культура контракта). Господство юридического духа и духа контракта - чужды для русского человека, который более ориентирован на возвышенные идеалы, и который не формален, задушевен в общении, ибо непосредственно открыт и Богу, и ближнему своему. Но отсутствие буферной зоны естественного отзывается в русском человеке не только достоинствами.

Биполярная духовность, наложенная на необузданную славянскую природу, задает трагическую противоречивость русского характера. Русскому человеку непонятно, как можно и зачем нужно столько сил тратить на обустройство земной жизни и комфортабельности быта, как это с энтузиазмом делает человек европейский. Русские люди были вынуждены тратить огромные силы в борьбе за выживание в жестких условиях, но русский дух стремился за пределы срединного царства - к сверхъестественному и безмерному. Поэтому русская цивилизация - это цивилизация вдохновения и подвига, в которой не популярна упорная кропотливая работа во имя повышения благосостояния. В европейской культуре жизненные идеалы обмирщены, занижены, их реализация не требует сверхнапряжения и менее драматична, чем в русской культуре, в которой завышенность идеалов чревато срывами и катастрофами. Если европейские пороки - от приземленности идеалов, то русские - это срыв при воплощении евангельского идеала. Русская душа страстно тянется к небесному, но при потере духовной ориентации не удерживается в срединных измерениях и обрушивается в преисподнюю. Отчего русский человек и предстает в истории либо в образе божеском, либо в облики зверском, он способен на проявления и неистовой религиозности, и неистового богоборчества. Мессианская энергетика проявляется на разных уровнях в противоположных направлениях. Когда по тем или иным причинам сокрушались носители культурного архетипа - традиции, жизненный уклад, то в слепом инстинкте могли проявляться и

разрушительные, и созидательные стихии.

Онтологическая поляризация русской души сказывается в различных измерениях и коренным образом отличает русского человека от европейцев. "Француз - догматик и скептик, догматик на положительном полюсе своей мысли и скептик на отрицательном полюсе. Немец - мистик или критицист, мистик на положительном полюсе и критицист на отрицательном. Русский же - апокалиптик или нигилист, апокалиптик - на положительном полюсе и нигилист на отрицательном полюсе. Русский случай - самый крайний и самый трудный. Француз и немец могут создавать культуру, ибо культуру можно создавать догматически и скептически, можно создавать ее мистически и критически. Но трудно, очень трудно создавать культуру апокалипсически и нигилистически. Культура может иметь под собой глубину, догматическую и мистическую, но она предполагает, что за серединой жизненного процесса признается какая-то ценность, что значение имеет не только абсолютное, но и относительное. Апокалипсическое и нигилистическое самочувствие свергает всю середину жизненного процесса, все исторические ступени, не хочет знать никаких ценностей культуры, оно устремляет к концу, к пределу. Эти противоположности легко переходят друг в друга... И у русского человека так перемененно и так спутано апокалипсическое и нигилистическое, что трудно бывает различить эти полярно противоположные начала" (Н.А.Бердяев).

В данном случае необходимо различать понятия: эсхатология - это устремленность к Новому Небу и Новой Земле, к горнему миру, к запредельному; апокалипсис же описывает трагедию конца мира сего. Если эсхатологическое сознание сосредоточено на зарницах преображенного мира, оно устремлено к началу Нового Бытия, то апокалипсическое сознание заморожено неизбежностью абсолютной смерти всего в мироздании, оно заиклено на конце старого мира. Целостное религиозное сознание органично охватывает обе перспективы - и конца времен, и начал вечности. Одно представление без другого самоограничивается: апокалипсический страх без эсхатологического чувства - гипнотизирует, эсхатологическая устремленность без ощущения трагедии всеобщего конца - экзальтирует. Религиозно аффективная или маниакальная апокалиптичность внедрена в русскую душу иосифлянством, и с тех пор рецидивы ее выплескиваются в трагические периоды русской истории. Иначе в безрелигиозном сознании, которое лишено ощущения вечности, ограничено мирскими понятиями, отчего безысходно пессимистическими становятся и представления о конце времен. Все духовные чаяния, вся слепая религиозная энергия безбожного человека концентрируется в узких мирских границах и порождает фантомы. Секулярно эсхатологическое сознание рождает утопизм - учения о тысячелетнем царстве Божиим на земле, секулярно апокалипсическое сознание маниакально заиклено на перспективах смерти. Если первое - это утопия созидания, то второе - это мания всеотрицания и всеуничтожения. Русское мессианское сознание при впадении в атеизм порождает характерно русские формы утопизма и одержимости, связанные, как правило, с искажением эсхатологических и апокалипсических чаяний. И ложный героизм, и искаженная жертвенность, и нигилистическое всеотрицание, и стремление к разрушению - это формы устремленности к концу потерявшей Бога и потерявшей души, когда секулярная апокалиптика перекрывает и побеждает эсхатологию. Европейец в приземленной эсхатологической одержимости целиком в пределах мира сего: он стремится к подчинению и порабощению всех вокруг, насаждает железный порядок.

Русский в апокалипсической мании разрушает, истребляет все и вся вплоть до самосожжения старообрядцев - феномен, совершенно невиданный в Европе.

Одни и те же качества национального характера могли сказываться по-разному - до противоположности - в слоях, укорененных в традициях и оторвавшихся от них. Некоторые черты русского характера отзывались в послепетровском дворянстве и интеллигенции в негативном преломлении. Так беспочвенная русская интеллигенция была беспочвенна по-русски страстно: истово, с надрывом; радикально нигилистична - до отрицания всякой почвы как жизненной плоти. Секуляризованное сознание оставалось биполярным, но отвергала онтологичность мирских реальностей не во имя Божественного, а тотально нигилистически. "Русская интеллигенция в огромной массе своей никогда не признавала себя имманентным государством, Церковью, отечеством, высшую духовную жизнь. Все эти ценности представлялись ей трансцендентно-далекими и вызвали в ней враждебное чувство, как что-то чуждое и насилующее. Никогда русская интеллигенция не переживала истории и исторической судьбы, как имманентной себе, как своего собственного дела, и потому вела процесс против истории, как против совершающегося над ней насилия" (Н.А.Бердяев).

Рассуждения Вальтера Шубарта в книге "Европа и душа Востока" о диалектике русской апокалиптичности в сравнении с европейским срединным жизнеощущением - заслуживают особого внимания, хотя с оговоркой: "Много тонкого и верного сказал он о русской душе; но русского духа не постиг" (И.А.Ильин). При этом нужно иметь в виду, что секуляризованная апокалиптичность свойственна состояниям богооставленности или оторвавшимся от Бога сословиям. Маниакальная апокалиптичность может проявляться и в искаженном религиозном сознании. Но она не свойственна здоровому состоянию русской души и не воспитывается русской православной традицией. Вместе с тем, отсутствие срединной укорененности вбрасывает русского человека в радикальные крайности всякий раз, когда рухнет зыбкий жизненный космос. Итак, "Прометеевский человек не хочет видеть сущность мира иной, чем она есть; он лишь хочет упорядочить его, использовать, овладеть им. Русский же хотел бы видеть мир иным в самой основе. А в своем нигилистическом рвении он доходит до того, что вообще не хочет мира. Поэтому западноевропейец стремится к успокаивающей и консолидирующей середине, а русский - к всеосвобождающему концу. Конечной целью западной культуры является не борьба с силами земли, а состояние всеобщей безопасности, порядка и благосостояния после победного окончания борьбы. Ее цель - мещанство, в то время как русская культура в своей глубине стремится к тому, чтобы в заключительном акте принести себя в жертву. Русский не чувствует ценности эволюции, устойчивости культуры и т.д., но обладает довольно тонким чутьем к кризисам" (В.Шубарт). Здесь надо уточнить, что в душе русского человека органично уравнивалась эсхатологическая и апокалипсическая ориентация, иначе русские были бы не способны освоить и обустроить самые суровые и самые огромные в мире пространства. Без Бога русский человек долго не задерживается в мирской середине, но неизбежно обрушивается в преисподнюю; и в этом случае это жажда совершенно другого конца - сатанинского апокалипсиса. Русский характер соткан из парадоксов: будучи более "заоблачными", чем европейцы, русские смогли освоить грандиозные пространства; менее европейцев укорененные в земном мире, русские проявляются в нем несравненно сложнее.

Отсутствие срединного измерения сказывается во всем.

Эсхатологическая ориентация сказывается и в том, что русский человек по природе своей аскетичен, он умел и желал довольствоваться необходимым, ибо только по таким нормам можно было выжить в данных условиях. И суровая жизнь, и идеализм характера приучили к самоограничению в материальной жизни. Поэтому среди русских не было распространено накопительство, стремление к обогащению любой ценой и русский человек не мог все силы бросать на материальное благоустройство. В русской жизни материальное стяжание никогда не было общественным идеалом, не было европейского пиетета к собственности и богатству, и не мог утвердиться приоритет денег. Понятно, что всякий живой человек не может быть абсолютно равнодушным к материальным ценностям, которые могут очень облегчать жизнь, отсюда и сложное отношение. Но в суровых российских условиях богатство, выделяющее человека из общего образа жизни, дается, как правило, несправедливыми средствами. Поэтому, когда встает вопрос о приоритетах, о первостепенном и второстепенном, то есть о том, что в основаниях жизни, то европейского уважения к богатству в России по природе вещей быть не могло. "У европейцев бедный никогда не смотрит на богатого без зависти; у русских богатый зачастую смотрит на бедного со стыдом. У западного человека сердце радостнее бьется, когда он обзревает свое имущество, а русский при этом чувствует порой угрызения совести. В нем живо чувство, что собственность владеет нами, а не мы ею, что владеть значит быть в плену того, чем владеешь, что в богатстве чахнет свобода души, а таинство этой свободы и есть самая дорога святыня" (В.Шубарт). Принцип аскетической достаточности и самоограничения действовал на Руси даже в редкие периоды благополучия - во имя накопления сил в суровой борьбе за выживание и для более насущных жизненных. Но в низких проявлениях эти качества сказывались в распространенной на Руси агрессивности к богатым, в неуважении к праву собственности. На селе зажиточный крестьянин всегда слыл мироедом, кулаком, у богатого - помещика или кулака - "можно" украсть, ибо к этому относились как к "справедливому" перераспределению. Хотя русский - не скуп, но бережлив, замаистый - что наше, то наше, - запасливость воспитывалась веками лихолетья и суровыми условиями жизни.

Таким образом, и по земным, и по небесным мерам богатство - несправедливо. Поэтому "Русский вкушает земные блага, пока они ему даются, но он не страдает своим внутренним существом, если приходится ими жертвовать или лишиться их... Нигде в мире не расстаются так легко с земными благами, нигде столь быстро не прощают их хищений и столь основательно не забывают боли потерь, как у русских. С широким жестом проходят они мимо всего, что представляет собой только земное... По сей день европейца, путешествующего по России, поражает равнодушие людей, даже молодежи, к внешним дарам жизни, к одежде, гурманству, славе, имуществу" (В.Шубарт). По русской шкале ценностей в общественном мнении достоинства человека измерялись по внутренним качествам, а не материальным положением. "Русское отношение к собственности связано с отношением к человеку. Человек становится выше собственности. Бесчестность есть обида, нанесенная человеку, а не обида, нанесенная собственности. В западном буржуазном мире ценность человека слишком определялась не тем, что есть человек, а тем, что есть у человека... Русские суждения о собственности и воровстве определяются не отношением к собственности как социальному институту, а отношением к человеку"

(Н.А.Бердяев).

Не будучи тотально привязанным к земному, русский человек именно поэтому рачительно относился к земле, он не склонен выколачивать из нее все новые продукты для все новых потребностей. Отсюда характер хозяйственной жизни не был хищническим, потребительским, не стимулировал ограбление завоеванных территорий и не перемалывал природные ресурсы. Аскетизм характера сказывался и в том, что народ избегал разрушительно приспосабливать к себе окружающую среду, а сохранял ее и приспосабливался к ней. Если европеец по своей установке - завоеватель, покоритель, навязывающий свой образ жизни и народам, и природе, то русский человек - осваиватель, преобразователь, органично встраивающий свое жилище в природные ландшафты и ритмы космоса. Отсюда бережное отношение к природе, открытость к ее таинственности и красоте. В русском мировоззрении не могло родиться представление о том, что человек, как и всякое живое существо, - автомат (Декарт), а природа - это машина (Ламетри). К мирозданию русские люди относились не как к бездушной среде обитания, а как к живому организму, то есть и в природе ценили, прежде всего, ее душу, а не преходящую плоть.